

Семья: собственность и иерархия

Автор: Светлана Адоньева

Первое, что бросается в глаза, когда обращаешься к анализу рассказов о семье, — расхождение между тем, как обычно принято понимать слово «семья», и тем, как люди используют его, когда говорят о своей собственной жизни. И в советское время, и теперь семья — супружеская пара и их дети. Но для наших собеседников, так же как и для нас самих (если приглядеться к вопросам, которые задают интервьюеры), семья — нечто гораздо большее. Это — домашний круг, в котором люди родились и выросли, те, кто живет вместе, делят дом и стол. К семье относят бабушек и дедушек, отцов и матерей, братьев и сестер, а также и других людей, если они живут в том же доме и едят за общим столом, и тех, кто живет отдельно, но собирается на семейные праздники. Тогда говорят «вся семья». Иными словами, семья — группа гораздо более обширная, чем пара супругов. Это — круг родства. Судя по рассказам, которыми люди отзываются на вопрос о семье, семья — это прошлое, которое определяет мое настоящее. О том, какие привычки и убеждения обретенны в семье, говорят почти все. Семья делает человека включенным во время.

Но также семья — это пространство, место. Семья обеспечивает тебя пространством — пристанищем, жилищем, «отчим домом» или хотя бы «углом». У современных российских горожан с ним дело обстоит много хуже, чем у сельских жителей. У жителей деревень есть «отчие дома», и именно владение определяет место человека в семье-роде. Многие помнят о том, что местный магазин или сельсовет размещаются в доме, из которого в 1930-х выселили их семью. Горожане же, говоря о семье, чаще всего вспоминают вещи: ковер, который висел над кроватью, бабушкину горжетку в шкафу,

чудом сохранившуюся супницу, книжные собрания и прочее. Обычно у них нет родовых мест, они хранят родовые реликвии.

Рассказывая о семье, современные россияне говорят о любви и привязанности, о заботе и попечении, а также об обидах и ссорах, то есть говорят о чувствах. И совсем не говорят и, очевидно, даже не думают о социальном порядке, который определяет семья: совсем не говорят о собственности и подчинении. Хотя имущество человека, его материальное состояние, — это именно то, что с семьей связано напрямую, а главенство определяет порядок семьи. Именно в семье человек осваивает навыки иерархии: кто, кому и на каких основаниях должен подчиняться, а также кто, за кого и на каких основаниях должен отвечать. Для того чтобы понять, что скрывается за этой фигурой умолчания, очевидным образом не намеренной, но расположенной в слепой зоне неосознанного, я использовала два типа источников. Первый — интервью с жителями российских деревень и городов¹. Второй — семейные фотографии². Но сначала немного истории.

¹ За три десятка лет были опрошены более 700 человек, самые старшие из них — 1900 года рождения, самые младшие — 1990-х годов (Электронный архив «Российская повседневность» АНО «Пропповский центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры». Сайт «Электронный архив „Российская повседневность“ daytodaydata.ru».

² Значительную часть мы перенесли из семейных альбомов во время интервью, другие достались нам в виде пленочных архивов, которые мы позже оцифровали и описали, всего около 5000 изображений (Электронный архив «Российская повседневность» АНО «Пропповский центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры». Сайт «Электронный архив „Российская повседневность“». daytodaydata.ru). В качестве иллюстраций к статье использованы изображения, оцифрованные с негативов фотоархива учителя Юрия Алексеевича Галева, д. Вожгора, Архангельская область.

Мужчины дореволюционной России (дворяне, крестьяне, мещане, разночинцы и т. д. вне зависимости от сословия) получали от родительской семьи долю семейного имущества, когда женились и «выделялись» (сразу после женитьбы или позже, с появлением детей). Женщины входили в род мужа со своим вкладом — приданым. Жизненные уклады сословий Российской империи различались очень сильно. Но было то, что их объединяло: патриархальность (главенство старшего мужчины), патрилокальность (норма брачного поселения, при которой молодожены живут там, где живет

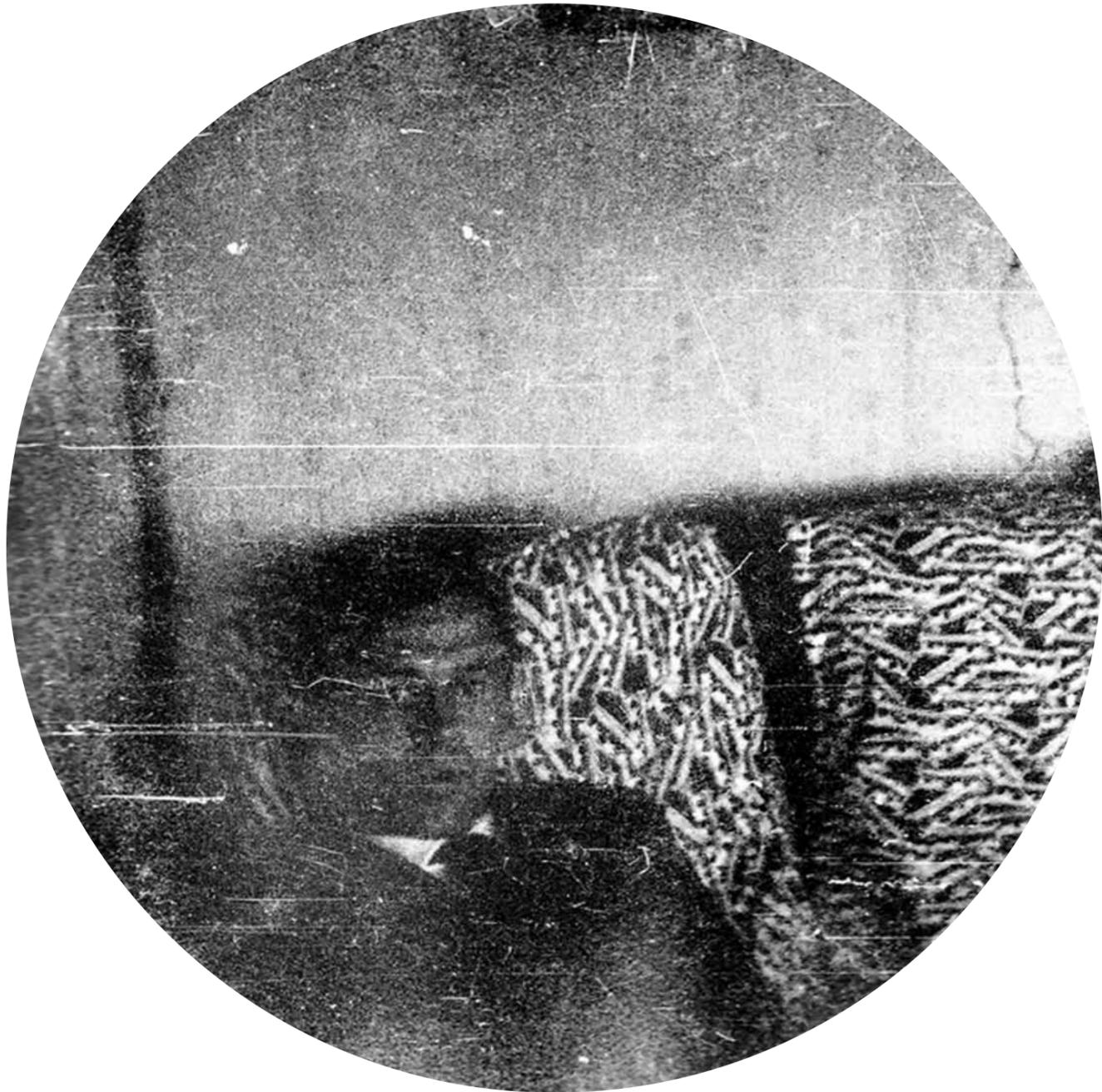
отец мужа). А также порядок передачи имущества (собственности): старшие в роде наделяли младших, следующее поколение, «добром» на условиях, определенных правом и обычаем. Собственность («родное пепелище») связывала поколения одного рода. А браки, посредством которых имущество перемещалось от одного рода к другому, обеспечивали взаимосвязь родов и способствовали сплоченности сообщества. Становой нитью социальной ткани российских сословий служили мужские роды, утком — перемещение женщин из родительского рода в род мужа. Семья была основным

донатором, который обеспечивал мужчину имуществом, дабы он мог стать полноправным членом общества, а женщину — имуществом, которое она вносила в дом мужа и тем самым обретала достойное положение в его семье. Порядок семьи и наследования, как и весь социальный порядок в целом, изменил 1917 год. Первыми декретами советской власти были декреты об отмене собственности и декреты о семье. Было провозглашено освобождение от патриархальности. «Первичными ячейками» нового общества были объявлены коллективы. Началось

глобальное изменение социального порядка и в том числе порядка семьи. Во-первых, дети теперь оставались в роду матери. Как было указано в декрете, «запись о рождении ребенка составляет тем же отделом браков и рождений по месту пребывания матери»³: общество перестало быть патрилокальным. Во-вторых, инициатива брака, прежде исходившая от семьи жениха и определявшаяся интересами родительских семей

³ Ст. 160. Декрет о гражданском браке, детях и книгах актов гражданского состояния // Собр. узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 162.

и всего сообщества, теперь перемещалась в руки будущей жены. С того времени и до сегодняшнего дня брак считается совершаемым в интересах женщины и ее детей (см. статью 38 современной Конституции России). В-третьих, советская власть объявила брачный выбор свободным от родительской воли. тем самым отменялся воспроизводимый посредством брака порядок подчинения младших старшим и основанный на нем порядок наследования. Отмена частной собственности привела к уничтожению материальной основы института семьи. Проект социальной жизни, внедрявшийся в первые годы советской власти, — с коммунами, свободными браками, фабриками-кухнями и мужским и женским товариществом — просуществовал недолго. Его сменил сталинский патерналистский проект: была выстроена властная вертикаль с «отцом народов» во главе. Все население становилось братьями и сестрами, равными в своей лояльности и преданности Главе государства и его субститутам «на местах». Во время массовых репрессий семейно-родственные связи подтачивались возможностью отказа от родства. Значительная часть населения страны оказалась перед выбором: остаться советским человеком, отказавшись от членов семьи, признанных «врагами народа», или отпасть от народа, выбрав семью. Предпочтение семейных интересов государственным было на протяжении всех лет советского строя выбором предосудительным: нужно было радеть за народное добро, за семейное радели «мещане» и «обыватели». Но вместе с тем, положение дел (массовые переселения, как насильственные, так и стихийные, пополнение убывающих репрессиями городов выходцами из деревень, и коммунальный быт) требовало особых практик повседневной жизни. Неразличимые на уровне официальной речи, родственные связи обеспечивали выживание: родственники и свойственники помогали трудоустроиться и «прописаться», принимали осиротевших в свои семьи и т. д. Население СССР должно было стать единой социальной общностью, советским народом, с вариациями по характеру занятий и территории расселения. Прошедшее через горнило коллективизации крестьянство, в середине 1920-х годов все еще составлявшее более 80% от общей численности населения, к концу 1950-х годов уменьшилось вдвое. Пережившие поражение в правах и террор «бывшие» сословия (купечество, дворянство, духовенство) растворились среди горожан: «рабочих и интеллигенции». Вся эта сложная масса должна была

уложиться в два класса — рабочих и крестьян, и «прослойку» интеллигенции, которые должны были составить единую общность «советский народ». «Первичной ячейкой» этой общности в конце пятидесятых годов вновь была назначена семья, а не коллектив, как было принято первыми декретами советской власти. Но теперь она представляла собой конструкцию, состоящую из мужа, жены и их детей: «папа, мама и я — дружная семья», строго по Энгельсу⁴. В 1959 году в Ленинграде на набережной Красного Флота открылся первый дворец бракосочетания. Он был назван — Дворец счастья. Общий стандарт счастья был разработан Программой КПСС 1961 года: счастье строилось на фундаменте «морального кодекса строителя коммунизма», предписывались «гуманные отношения и взаимное уважение между людьми, человек человеку — друг, товарищ и брат». Но если все друг другу товарищи-братья, тогда свекровь с невесткой друг другу сестры, и отец взрослому сыну не указ.

В 1917 году институт семьи был лишен материальной основы. Всеобщее равенство строителей коммунизма хрущевской эпохи окончательно отменяло возрастную иерархию. Борьба с патриархальностью двадцатых годов привела к ликвидации власти отцов в тридцатые. А также, в значительной мере, — к физической ликвидации мужчин этого поколения. Их место в тридцатые и сороковые годы заняли старшие женщины. Объявление всех советских людей «друзьями и товарищами» лишило власти и их. Для людей моего поколения конфликт невесток и свекровей представлялся явлением архетипическим.

О том, что на практике советская семья хранила свойства семьи-рода, свидетельствуют свадебные фотографии. Рамой для молодоженов, наряду с «представителями коллективов», служил и продолжает служить круг родства и свойства. Неразличимые для внешнего взгляда узы, связывающие «сватов», а также родственников третьей и четвертой степени родства, а также их жен, мужей и их кровных родственников пронизывали города и деревни и охватывали огромные расстояния. Невестки и золовки, снохи и свояченицы, тетушки и дядья, шурины и деверья, оставаясь казусом

⁴ В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884), которую должны были читать и конспектировать все, Энгельс указывал на то, что только появление парной семьи свидетельствует о наступлении эпохи цивилизации, семьи-роды были им отнесены к периоду варварства.

устной речи, составляют родственный круг — большую семью. Впервые встретившись и познакомившись за свадебными столами, над поддержанием семьи трудились все: отправляли открытки к праздникам, принимали в гости и посылали гостинцы, собирались все в месте по случаю большого торжества и большого горя. У советского человека было три семьи: две из них были предписаны государством: трудовой коллектив и муж-жена-дети. Третья семья — большой родственный круг — сохранялась как форма скрытой лояльности ушедшим временам.

Д. С. Лихачев, рассказывая о трудностях перевода русской речи на иностранные языки, в частности, отметил те сложности, которые возникли в связи с переводом одного из причитаний Федосовой: «Я опять, горе-бедная, кинулась, за друга сына да за отцовского»... «Француза спрашивает: „Что же это значит: она вышла за

брата своего мужа?..“ Я говорю: „Да нет, просто это такое выражение, Федосова хочет сказать, что у ее второго мужа тоже был отец“. — „Но разве не у каждого человека есть или был отец?“». ⁵ В конце XX века было уже трудно объяснить, почему для деревенской женщины указание на то, есть ли у мужчины отец, или же он «безотцовщина», является очень важным: отцовский сын был воспитан отцом-большаком (патриархом) и готов стать таковым в свое время. За отцовским сыном стояла полноценная большая семья.

Большая семья в XX веке была тем самым прошлым, которое хоть как-то позволяет укорениться в настоящем: вся эта большая сеть родства действительно чем-то наделяла. Наделяющие отношения большой семьи хорошо видны на старых фотографиях. Они создаются

⁵ Лихачев Д. С. Избранные работы: в 3 т. М., 1987. Т. 2. С. 420.

жестами, взглядами, рукопожатиями и объятиями, совместными трапезами. В особых ситуациях ближние физически образуют круг, пластически выражая идею сплоченности всей полнотой телесного присутствия. В его центре обычно тот или то, кто или что служит залогом единства: вернувшийся со службы «дембель», могила, гроб, накрытый стол, младенец, бабка, молодожены. Семейный круг — те, с кем проходит жизнь, но также и те, кто все вместе — плечом, к плечу, рука об руку — встают на ее краях и рубежах.

Мир частных родственных связей, в котором прожило несколько советских поколений, был после падения советского строя обесценен так же, как в 1917 году обесценены были миры «бывших». В начале 1990-х гарантиями первых частных экономических отношений были выбраны родственные связи. Испытание большими деньгами родственные связи, так долго остававшиеся без материальной основы и внятной всем иерархии, не

выдерживали. Травма утраты больших семей жителями современной России до конца не осознана и не пережита: утраченные жизненные миры отзываются фантомными болями. Семейный долг есть — могил предков нет: погребенными в общих могилах войны и лагерей остаются многие тысячи предков современных россиян. Есть семья, но нет земли и дома, той части пространства, которая обеспечивает преемственность жизненного уклада. Есть желание вовлеченности, переживания себя как части чего-то большего, чем ты сам, но нет того социального тела, частью которого ты можешь стать. Укорененность во времени и пространстве предполагает участие в воспроизводстве смыслов общего жизненного мира. Под смыслами я в данном случае понимаю привычки и правила обращения с миром. Они скрываются в простых вещах: в кулинарных рецептах, выученных «с руки», а не по книжке, в дедовом умении подсекать рыбу и чинить электропроводку, которыми

он наделил внуков, в том, что на ушибленную коленку надо подуть, и тогда все пройдет, в том, что ябедничать — стыдно, в том, что старших перебивать нельзя, а за младшими надо присматривать и т. д. Кризис семьи, диагностируемый современным кинематографом, на мой взгляд, связан вовсе не с убыванием общего количества любви. Из сферы материальных и социальных обязательств членов семьи друг перед другом лояльность вот уже век как перенесена в сферу чувств: родительское наделение взрослых детей имуществом, имущественные отношения супругов и материальная забота детей о родителях с первых лет советской власти и до сегодняшнего дня — предмет эмоционального всплеска и морального суждения, а не социального порядка.

Нынче на повестке дня стоят вопросы, которые не решить посредством мелодраматических категорий любви и страсти, верности и предательства, измены

и вероломства: например, какова иерархия современной семьи, кто и кому в ней подчиняется. Гарантиями главенства мужчин и старших в дореволюционной России служили закон и многовековое обычное право. Ослушание лишало детей наследства и вызывало осуждение общества. Гарантом женских/материнских интересов в семье было советское законодательство, век его был не долгов, но достаточен для того, чтобы дети стали аргументом для имущественных притязаний женщины. Другим, не менее важным вопросом, является вопрос о собственности семьи и порядках ее перераспределения, и он также не может быть решен посредством мелодраматического языка любви и заботы. Вопросы иерархии и вопросы владения оказываются напрямую связанными со смысловым порядком мира, в котором мы живем. Это — вызов времени. /